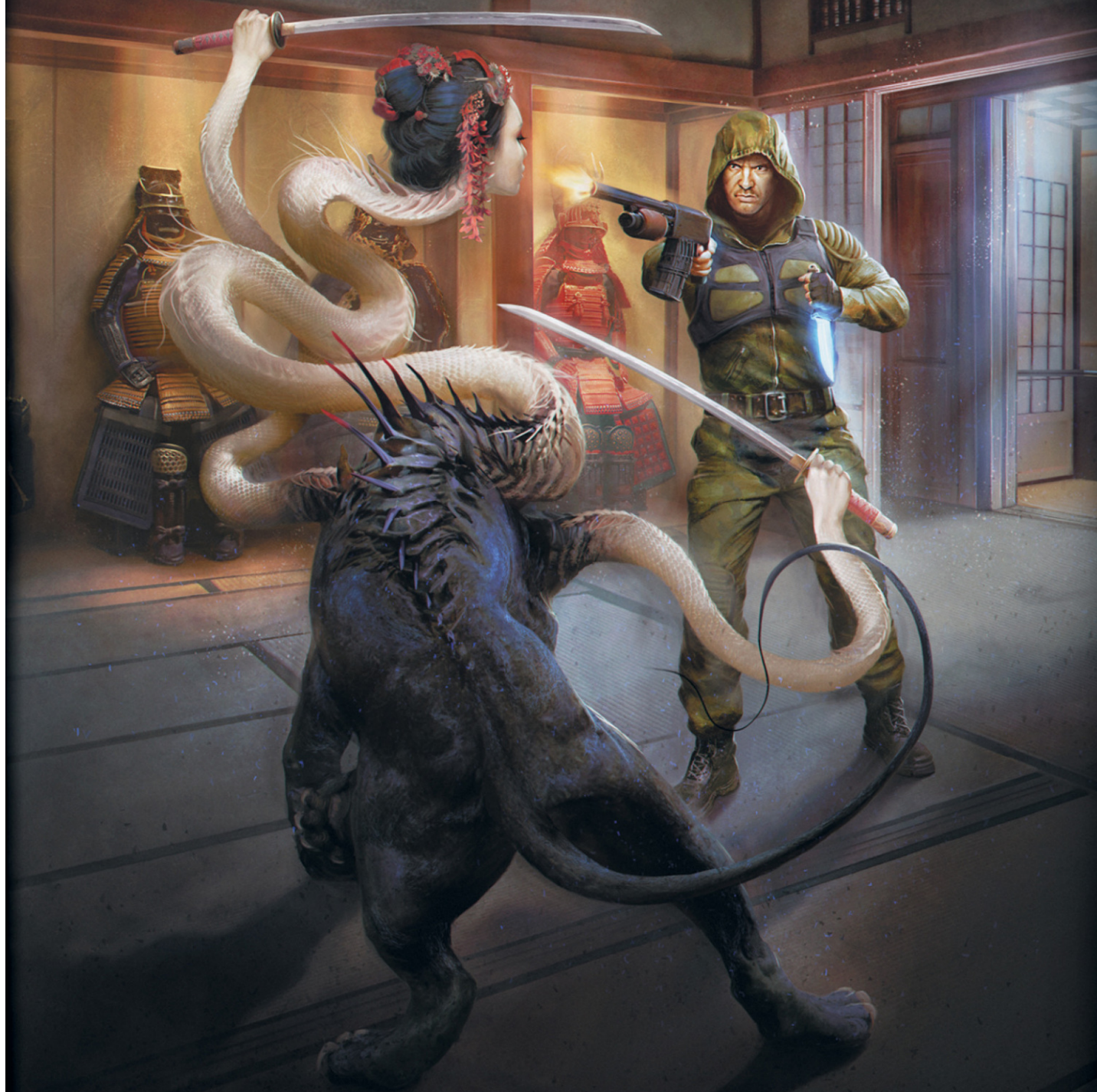

СТАЛКЕР

Дмитрий Силлов

ЗАКОН ФУКУСИМЫ

Апокалипсис-СТ

Дмитрий Силлов
Закон Фукусимы

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.121.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Силлов Д. О.

Закон Фукусимы / Д. О. Силлов — «Издательство АСТ»,
2023 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-149003-4

Изменив прошлое, Снайпер нарушил гармонию нашего мира. Повсюду начали происходить необъяснимые явления, в том числе и в Зоне Фукусимы, где несколько лет назад произошла ядерная катастрофа. Группа ученых, работавших в Зоне, пропала. Все, кто пытался прийти им на помощь, также исчезли. И кто как не Снайпер, легендарный сталкер, прошедший ужасы множества Зон в разных вселенных, и его друг Виктор Савельев по прозвищу Японец, смогут найти пропавших? Вроде все просто – выяснить причину бедствия, найти ученых и вернуться. Но у Зоны Фукусимы свои законы, порой неподвластные пониманию простых смертных. И, согласно этим законам, для того, чтобы один сталкер мог выполнить задание, другому придется пожертвовать своей жизнью...

УДК 821.121.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-149003-4

© Силлов Д. О., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

33

Дмитрий Силлов

Закон Фукусимы

© Силлов Д.О., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Автор искренне благодарит:

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алекса де Клемешье, писателя и редактора направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алексея Ионова, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Чернобыльской зоне отчуждения, за ценные советы;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru и www.real-street-fighting.ru;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калинцева, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина, Алексея Егорова, Глеба Хапусова, Александра Елизарова, Алексея Загребельного, Татьяну «Джинни» Соколову, писательницу Ольгу Крамер, а также всех друзей социальной сети «ВКонтакте», состоящих в группе <https://vk.com/worldsillov>, за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «СНАЙПЕР», «ГАДЖЕТ», «РОЗА МИРОВ» и «КРЕМЛЬ 2222».

Кровь везде. Красные брызги на снежно-белом полу и стенах того же цвета.

Ужасное зрелище.

И одновременно – прекрасное...

Первая мысль была моей. Вторая – того духовного паразита, который поселился во мне. Ками¹...

Неупокоенная душа японского воина, погибшего много столетий назад. Мерзко это – ощущать, что кто-то живет в тебе, думает твоими мозгами и порой двигает твоими конечностями так, как сочтет нужным.

Правда, надо отдать ему должное: несколько минут назад четверо бойцов, вооруженных старинным оружием, покروшили бы меня в бастурму, если б этот воин не взял на себя управление моим телом. И сейчас четыре прекрасно подготовленных бойца якудза лежали мертвыми на полу, а на мне не было ни единой царапины. Лишь брызги горячей крови остывали на тыльной стороне правой кисти, но это была не моя кровь.

– Достойный бой, Сен-но као-но сенси², – прозвучал голос из-под потолка, где, по всей видимости, были размещены скрытые динамики. – Я кумитё³ клана Ямагути-гуми. Нам нужно было удостовериться, что Оми-но ками привез нам того самого человека. И мы удостоверились.

¹ Ками – здесь: души людей и предметов, способные к автономному существованию вне тела и обладающие собственным разумом. По представлениям японцев, не тело имеет душу, а душа управляет приданным ей телом.

² Сен-но као-но сенси (*яп.*) – Воин тысячи лиц.

Этот кумитё говорил по-японски. Неторопливо, словно опытный учитель, пытающийся разъяснить очевидное начинающему ученику. И я понимал, что он говорит, хотя всего пару дней назад знал по-японски меньше десятка слов. Более того, я даже попытался ответить на том же языке.

– Рад за вас, – буркнул я. Всегда неприятно беседовать с тем, кто ради какой-то проверки легко и непринужденно отправляет на смерть четверых хороших бойцов.

– А мы рады видеть в стенах нашего общего дома человека, который, надеюсь, поможет нам решить одну проблему.

– С какой это радости я должен решать ваши проблемы? – поинтересовался я, пока еще с трудом подбирая японские слова.

– Вполне логично, если тот, кто создал проблему, сам ее и решит, – произнес голос из-под потолка. – У нас были определенные планы на вас, но сейчас есть более важные дела. Вы изменили пространство. Вы изменили время. Потом вы вернули все обратно, но данный толчок разбудил ту, что спала уже несколько лет. И теперь вы должны вновь заставить ее заснуть.

– Интересная история, – усмехнулся я. – И как же зовут эту спящую красавицу?

– Ее зовут Фукусима, – произнес кумитё.

Фукусима...

Это слово я знал до того, как изучил японский язык методом «прямой передачи», когда подселившееся в твое тело чужое ками интегрирует в тебя все свои знания и опыт, полученные в процессе жизни человека, который, в моем случае, умер много веков назад. Просто любой сталкер так или иначе интересуется информацией о других Зонах, так что нет ничего удивительного в моих познаниях.

Крупнейшая авария на японской атомной электростанции «Фукусима-1» произошла одиннадцатого марта две тысячи одиннадцатого года в результате гигантского цунами, обрушившегося на побережье Японии. Три энергоблока взорвались один за другим, в результате чего этой аварии по международной шкале ядерных событий был присвоен седьмой, максимальный уровень – «Крупная авария». Ранее в истории человечества этот уровень присваивался лишь один раз, при аварии на Чернобыльской АЭС. А тогда, в марте, на Фукусиме выбросы из взорвавшихся энергоблоков хлестанули и по океану, и по Японии. Из зоны заражения эвакуировали более ста шестидесяти тысяч человек. Территория в двадцать километров вокруг места аварии была оцеплена полицией и войсками, и власти начали спешно создавать кордон – нормальная практика во всех странах в случае аварии подобного масштаба.

Ближайшие поселки были эвакуированы, а на АЭС началась дезактивация, в результате чего около десяти тысяч тонн радиоактивной воды из станционного хранилища радиоактивных отходов были слиты в море. И эта самая дезактивация продолжается по сей день – то есть взорвавшиеся реакторы моют уже который год.

Водой.

Я не помнил всех подробностей, но вроде бы постоянно накапливающуюся радиоактивную воду просто уже некуда девать, и это большая проблема для всей Японии, ибо за годы после аварии ее накопилось более миллиона кубометров, и объем продолжает увеличиваться.

– Вижу, вам знакомо это слово, – продолжал голос из-под потолка. – И это хорошо, меньше слов придется произнести. Проблема в следующем. Клан Ямагути-гуми не мог пройти мимо национальной проблемы, и наши специалисты работали в Зоне с момента аварии. Естественно, мы заботимся о своих людях, и рабочие смены меняются каждую неделю, чтобы не накопить критическую дозу облучения. Все шло нормально до того дня, когда вы нарушили порядок Мироздания. В этот день на Фукусиму обрушилось еще одно цунами, в результате которого произошли радиоактивные выбросы из всех трех разрушенных энергоблоков, хотя

³ Кумитё (*жаргон якудзы*) – старший начальник. Глава клана якудзы.

этого просто не могло быть. Наши специалисты не вернулись из Зоны – как и все, кто там работал. Правительство послало за кордон одну за другой четыре спасательные группы, и ни одна не вернулась обратно. Связи с ними нет, она пропадает фактически сразу за кордоном – возможно, потому что люди погибают и ответить попросту некому. Мы тоже посылали туда несколько отрядов наших лучших бойцов, однако их постигла участь спасателей. Сейчас правительство строго запретило кому-либо пересекать границу кордона, полностью законсервировав опасную зону. Тем не менее я думаю, что сталкер с вашим опытом сможет не только остаться в живых на зараженной территории, но и выяснить, что там происходит.

– Спасибо за доверие, – усмехнулся я. – Правда, никто не поинтересовался, надо ли оно мне – идти в вашу Зону, чтобы разгрести ваши проблемы. Я их создал или не я – это еще вопрос. А что ваша Фукусима накрылась из-за того, что при ее постройке не учли возможность появления гигантского цунами, – это исторический факт!

– Я ждал похожего ответа, – холодно откликнулся голос. – Что ж, у нас есть предложение. В случае, если тебе удастся выяснить причину гибели наших людей в Зоне, клан Ямагути-гуми выплатит пятьдесят миллионов иен. Если ты не только найдешь, но и устранишь эту причину, – получишь сто миллионов.

Количество миллионов впечатляло, правда, я не имел ни малейшего понятия о курсе местной валюты относительно тех денег, к которым привык. Но, с другой стороны, какая разница? Возможности этого здания я уже видел. Откажусь – или потолок меня раздавит, или лифт схлопнется, или двадцать вооруженных ниндзя понабегут взамен убитых мною и примутся скопом резать меня на ремни. Или еще проще: простучит очередь из-под потолка – и вместо четырех трупов из этой комнаты вынесут пять.

– Годится, – сказал я. – Но если все получится, то, помимо денег, мне еще понадобятся гарантии, что после получения оных ваш клан не решит меня зачистить – просто чтоб не оставлять свидетелей.

Невидимый глава клана якудзы хмыкнул в невидимый микрофон.

– И какие же гарантии вас устроят?

– Ваше слово, – сказал я. – Я слышал, что для якудза главное – не потерять лицо, нарушив обещание. Так что слова будет достаточно.

– Договорились, – произнес кумитё.

Микрофон щелкнул, связь прервалась. М-да... Кажется, меня только что записали в наемники. Ладно, задание вроде не очень сложное. Мне по Зонам шататься не впервой, вправлять мозги негодяям, обижающим гражданских, – тоже. Думаю, справлюсь.

Эх, знал бы я заранее, куда иду и с чем мне придется столкнуться в ближайшем будущем, самоуверенности у меня значительно поубавилось бы...

* * *

Одна из стен белой комнаты, обильно политой чужой кровью, бесшумно ушла вниз. За ней оказалась лифтовая кабина с услужливо распахнутыми дверями. Намек был понятен.

Я бросил окровавленный боевой серп и направился в кабину, отделанную лаковым деревом, сверкающую зеркальным полом и, наверно, все-таки с золотыми поручнями. Перед тем как в нее зайти, машинально вытер берцы о белый ковролин комнаты – он все равно весь в кровище, а кабина стерильная, потому мозг команду выдал: вытри подошвы, чтобы пол не запачкать.

Помогло не очень, на стекле остались рифленые следы цвета давленной вишни. Стараясь не топтаться, я посмотрел вниз.

Лифт был явно другой, не такой, что меня сюда привез, и я оценил стремительный спуск вниз и мелькание множества лифтовых створок. При этом мне показалось, что по некоторым

из них словно широкой алой кистью прошлись. То ли растерли кого-то между лифтом и этими створками, то ли мне правда почудилось – слишком уж быстрым было движение.

В пустынном вестибюле два охранника с поклонами проводили меня до выхода – причем я отметил глубину поклонов: секьюрити аж руками в колени уперлись, чтобы пополам не сложиться. Зауважали, что ли, после того, как я в одиночку четырех их бойцов уложил⁴?

А снаружи, кстати, ничего не поменялось. Та же ночь, те же избыточные огни реклам вдоль улиц, тот же спертый, влажный воздух другой страны. И тот же длинный черный автомобиль, который, как я понимаю, должен был доставить меня к очередному кордону очередной Зоны.

Позади меня раздались еле слышные шаги и шелест вращающейся бронированной двери. Я обернулся.

Это был Виктор Савельев. Лицо – как посмертная маска, которой кто-то ради глупой шутки нарисовал глаза. Таким неестественно-бледным я его не видел никогда и первым делом подумал – обманули Японца нехорошие якудзы.

– Что с дочерью? – вырвалось у меня.

Неживые глаза безучастно повернулись в орбитах.

– Она жива, – протолкнулись равнодушные слова сквозь мраморно-бледные губы. – И теперь у нее свой Путь.

– Зашибись, – пробормотал я, понимая по виду Виктора: все плохо настолько, что лучше б он увидел свою дочь мертвой. Я понятия не имел, что там произошло, в этом чертовом небоскребе, ни малейшей догадки не было. Но ясно одно – Савельева надо спасать. От себя самого. В таком состоянии человек может сделать что угодно – самоубиться или же, например, начать валить людей пачками, таким образом выплескивая из себя ненависть ко всему человечеству. В случае с Виктором это могло быть вообще страшно, с его-то способностями и навыками. И потому я сказал:

– Короче. Я сейчас еду в Зону отчуждения. В вашу, местную, которая на Фукусиме. Там вообще труба. Народ гибнет, и никто не знает почему. Мне надо разобраться, что там происходит. Поможешь?

Послышался короткий выдох через нос, отдаленно похожий на звук усмешки.

– Не помню, чтобы ты у кого-то когда-то просил помощи.

– Времена меняются, – пожал я плечами. – Я в японской теме полный ноль, и без твоей поддержки мне здесь будет тяжело.

Задняя дверь черной машины была открыта, и ее услужливо придерживал за ручку водила в, на мой взгляд, недешевом деловом костюме – в таком надо нефтью торговать, а не баранку крутить. Не говоря ни слова, Виктор обогнул меня слева, словно я был фонарный столб, и втек внутрь салона, будто в его теле вообще не было костей.

– Надеюсь, это можно считать согласием помочь, – пробормотал я себе под нос – и влез в автомобиль следом.

Внутри пахло новой машиной – невыветрившимся ароматом дорогой кожи, свежим лаком, металлом и цветами – это, само собой, ароматизатор благоухал. В таких машинах девчонок катать, а не грязных мужиков возить (Виктор, кстати, после наших походов в Чернобыльской Зоне тоже не переоделся, так что мы своим сталкерским вонизмом, намешанным из пропитанной потом одежды и свернувшейся на ней чужой крови, быстро перебили все эти люксовые запахи).

Хотя не совсем чужой... Я заметил, что рукав черного одеяния Японца чернее, чем должен быть.

– Ранен? – спросил я, когда машина тронулась.

⁴ Об этой схватке можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Закон “Бритвы”» литературной серии «СТАЛКЕР».

– Еще в Чернобыльской Зоне, – бесцветным голосом произнес Савельев. – Ерунда.

Я мысленно назвал себя так, как никому не позволил бы сделать это вслух. Хорош кореш – товарища ранили сутки назад, а я только сейчас заметил! Конечно, я был наслышан о способности ниндзя мысленно останавливать кровь и силой воли запускать процессы регенерации в ускоренном темпе, но при всем при этом обработку раны и перевязку никто не отменял. А судя по тому, что весь рукав Савельева был пропитан засохшей кровью, зацепило его хорошо.

– Перевязаться бы надо, – заметил я.

– Ерунда! – отрезал Виктор.

Ну, ерунда так ерунда, было б предложено.

– Долго ехать? – поинтересовался я, адресуя вопрос шоферу.

Затылок водилы даже не пошевелился. Такое впечатление, что машину робот ведет. Хотя не, не робот. Плечо водителя слегка шевельнулось, и салон отделил от кабины медленно выехавший черный экран. Понятно, на беседы с пассажирами шофер не запрограммирован.

– От Токио до АЭС «Фукусима-один» более двухсот километров, – произнес Виктор.

– А что, есть еще «Фукусима-два»? – поинтересовался я.

– Есть, – отозвался Савельев. – Неподалеку от первой.

Интересно, о второй АЭС я никогда не слышал. Впрочем, что я вообще знал о Японии? Для обычного среднестатистического русского человека что Страна восходящего солнца, что Марс – объекты примерно одинаковые по объему информации, которой он владеет. И в этом плане я не сильно отличался от этого среднестатистического человека. Разве что про аварию на Фукусиме был в курсе. Ну так это прямая сталкерская обязанность – знать насчет других Зон на планете. Из одной выпрут – куда нашему брату податься? Правильно, только в другую Зону. На Большой земле сталкеры жить не привыкли.

Я прикинул скорость машины. Километров восемьдесят в час лимузин точно выдавал. По ходу, завывающие сиренами полицейские машины сопровождения донельзя впечатляли других водителей, которые беспрекословно уступали дорогу. Вот и ладушки, вот и хорошо.

Конечно, можно было потратить время до прибытия на душевспасительные беседы и попытки выдрать Савельева из недр психологического коллапса, в который он себя сам загнал. Но, с другой стороны, был риск нарваться на повторное «Ерунда!», брошенное тоном, каким обычно посылают поиграть в песочницу надоедливому дитяню. Ну, значит, пусть тогда Японец сам себе лечит и руку, и душу, не буду навязываться.

Но, положила руку на сердце, его было жалко. Смотреть страшно: бледный, лицо как у трупа, краше в гроб кладут. Потому я предпринял последнюю попытку.

– Не хочешь рассказать, что произошло в небоскребе Ямагути-гуми? – спросил я.

Виктор не ответил, продолжая смотреть прямо перед собой. Ну, не хочет – не надо, было б предложено.

Я уже совсем было собрался поспать прямо на сиденье – нам, сталкерам, не привыкать дрыхнуть где угодно, – как вдруг Японца прорвало.

И он рассказал все.

Про дочь, которую любил всем сердцем, и про враждебный клан, который украл ее у него, я уже знал. А вот то, что они сделали с ребенком Виктора, для меня стало новостью.

– Сволочи, – хрустнул я кулаками. – Украсть девочку – страшное преступление. Но забрать ее душу – ужаснее ничего на свете нет.

– Ками, – на автомате поправил меня Виктор.

– Как бы оно ни называлось, теперь это не твоя дочь, – резюмировал я. – До тех пор, пока ты не вернешь ее обратно. Пока мы не вернем. И не оплатим этим тварям сполна.

– В клане Ямагути-гуми всем заправляет кумитё, – сказал Савельев. – Сто процентов – это его работа. Такое изощренное преступление мог придумать только он.

– Значит, кумитё и ответит за все, – кивнул я. – Обещаю, я все сделаю, чтобы вернуть твоего ребенка и отомстить этому уроду.

– Благодарю, – кивнул Виктор. И, наконец-то расслабившись, откинулся на спинку сиденья. Понятное дело. Будь ты хоть трижды суперниндзя стихии Пустоты, ты все равно остаешься человеком, которому порой для того, чтобы успокоиться, нужно просто выговориться.

А меня реально в сон потянуло со страшной силой. Ну и, короче, я прямо там, на удобном, мягком сиденье и отрубился. Сколько проспал – не знаю, но очнулся от того, что мягко покачивающаяся машина остановилась. Я на рефлексх продрал глаза. Приехали?

Оказалось, да. Молчаливый водила услужливо открыл дверь, и мы с Виктором покинули лимузин.

Снаружи был день. Непривычно багровое солнце зависло в небе, слегка затянутое необычно длинными облаками, и это было бы действительно красиво, если б на фоне алого диска не маячила пулеметная вышка.

Это был кордон. Но совершенно другой, нежели тот, что отделял от окружающего мира Чернобыльскую зону отчуждения.

Наш кордон был простой как три рубля и такой же дешевый – две полосы колючей проволоки, меж ними вышки понатыканы, преимущественно сколоченные из досок.

Здесь же все было солидно, хотя построено по тому же принципу. Вышки – на бетонном основании, из сварного профиля. Наверху по два пулемета, направленных один на внешнюю сторону Зоны, то есть на нас, другой – вовнутрь. Это у нас сročник зачастую таскал свой подбитый пулемет Калашникова туда-сюда по мере надобности – и далеко не всегда со станка на станок, а работая по-военному, уперев сошки в узкий борт вышки, отчего во время стрельбы они от отдачи часто соскальзывали. И тогда пулемет грохался цевьем на борт, а солдат огребал от своего оружия прикладом в челюсть.

Тут же денег на кордон не пожалели.

Вышки сверху, от крыши до бортов, были защищены бронелистами из пуленепробиваемого стекла, чтоб у стрелка был безопасный круговой обзор. Колючки на стальные столбы высотой в два с половиной метра было навернуто множество, плюс по верху – спираль Бруно. На колючке висели белые таблички с красными иероглифами, предупреждающими, что на той стороне запретная зона и что при попытке проникнуть в запретную зону по нарушителям будет открыт огонь на поражение. Ну, это нам знакомо. А в остальном такой кордон преодолевать – целое дело...

Правда, я порадовался, что, помимо японской речи, понимаю и то, что на табличках написано. Всегда удивляло, как азиаты умудряются в этих загогулинах зашифровать какой-то смысл. Оказалось, что все довольно просто. Когда что-то умеешь, оно всегда несложно. Правда, немного коробила мысль, что читаю и перевожу не я, а какой-то ками давно умершего воина. Но, с другой-то стороны, – какая разница? Ну, умер чувак несколько сотен лет назад. Ну вот, теперь помогает. Когда тебе кто-то помогает – неважно, какой он. Хороший или не очень, живой или не совсем. Главное – результат.

Подошел какой-то хрен в униформе, поклонился, пригласил пройти в здание карантина. За хреном маячили два автоматчика, держа свои миниатюрные пукалки довольно недвусмысленно. Вроде и стволами в землю, но если что – одно движение, и очередь пропорет от паха до горла.

Я покосился на Виктора, однако тот паниковать и не думал, пошел куда указали приглашающим жестом. Ну, если Японец не наводит кипеш, то мне-то оно зачем?

Карантин, кстати, оказался довольно формальным. Узкоглазые доктора померили температуру и давление, заглянули под веки, поинтересовались, употребляем ли запрещенные препараты и не было ли в роду сумасшедших. Я хотел было ответить, что не было, псих только я

один, но решил, что шутку могут не понять и пристрелить на всякий случай, благо военные с автоматами рядом стояли. Потому промолчал.

Виктору промыли рану, заклеили большим водонепроницаемым пластырем, вкололи два укола. Японец не сопротивлялся. Вредный он. То же самое я мог в машине сделать, аптечка имелась. Ладно, фиг с ним. Его тушка, пусть делает с ней что хочет. Или не делает.

Потом нас провели в душевую, где мы зависли на полчаса, смывая с себя глубоко въевшуюся грязь Зоны и просто кайфуя от жестких струй горячей воды – удовольствия для бродяг-сталкеров довольно редкого.

После душа нам, завернутым в простыни, милые японские барышни принесли крепкий чай, и, пока мы хлебали ароматный напиток, маленькими, но крепкими ручками мяли нам шею и плечи. Дамы были довольно симпатичными, и я даже подумал было, что можно будет рассчитывать и на массаж пониже – но меня ждал облом, ибо две японки постарше принесли наш шмот. Чистый, еще горячий после сушки и даже заштопанный в тех местах, где мы его порвали во время наших походов. Быстро они, однако, управились со стиркой-сушкой-штопкой, чувствуется профессиональный навык, отточенный до автоматизма.

Когда мы оделись и вышли из предбанника, те же два бойца с автоматами проводили нас в столовую, где уже другие дамы, в белых халатах, но с воинской выправкой, накормили нас умеренно вкусно, хотя и до отвала. Причем не сушами-роллами, от которых непривычный к японским изыскам человек потом будет изрядно страдать в отхожем месте, а вполне европейской пищей, даже с уклоном в русскую кухню. Правда, на мой взгляд, японские блины с медом – это как матрешка-азиат. По функционалу то же самое, но по сути ни фи́га не аутентично.

А потом нас те же бойцы отвели в арсенал – отдельное здание, совершенно невидимое за плотным забором из колючей проволоки, которой тут, по ходу, не жалели. И арсенал этот мне понравился, несмотря на то, что холодного оружия тут было примерно столько же, сколько и огнестрельного. Причем «холодняк» был представлен не только мечами и ножами-тантоидами различной длины, но и ниндзячьими прибрдами типа уже знакомых серпов с цепями, нунчак, копий и заточенных штуковин, которых я раньше вообще ни разу не видел.

Ну, при наличии «Бритвы» мне «холодняк» был не особо интересен, я на стенде с мечами только небольшой засапожный нож-танто выбрал – и направился к огнестрелу, где особо ничего исконно японского не увидел. Зато тут были в изобилии представлены как западные модели, так и российские, что меня порадовало, – всегда приятнее работать со знакомым оружием.

Я сперва было к «калашам» потянулся, но потом покосился на наших сопровождающих, вооруженных «хеклерами» и «глоками», – и передумал. На любые миссии в незнакомые места лучше брать то оружие, к которому сможешь найти патроны. И я как-то сомневался, что в японской зоне найдутся фанаты нашего отечественного огнестрела.

Потому я выбрал автомат «Хеклер и Кох» MP5 и старый, но проверенный временем «Глок 18» с возможностью ведения автоматического огня и специальным обвесом, позволяющим использовать запасной магазин в качестве рукоятки управления огнем. Почему такая комбинация? Все просто – с обеими машинками я работал, достоинства у них перевешивают недостатки, плюс патроны взаимозаменяемы. Потерял или вышло из строя одно – можно использовать другое.

Потом я разгрузку нашел на стенде, напихал в нее российских гранат и запасных магазинов – и в целом остался доволен. Можно было, конечно, и бронекостюм поменять, но меня японские тактические комбезы как-то не впечатлили. Не потому, что плохо, а потому что, пока твой старый шмот не развалился на лоскуты, лучше ходить в нем. Ибо все обмято, нигде не натирает и не бесит этим, что крайне ценно не только в бою, но и при дальнем переходе.

Японец, кстати, тоже своим мечом не ограничился и, держа меня в поле зрения, затарился огнестрелом так же, как и я. И это правильно, у меня опыт путешествий по разным Зонам побольше будет. К тому же в случае тотального трындеца позаимствовать у напарника полный магазин, подходящий к твоему огнестрелу, – штука бесценная.

А на выходе нам еще и рюкзаки выдали, очень грамотно укомплектованные всем необходимым на три дня существования в условиях повышенной опасности. Вот тут прям молодцы японцы, слов нет.

Видимо, мой восторг по поводу японского гостеприимства был на лице написан, так как Виктор, подойдя поближе, негромко произнес:

– Таракан, которым кормят домашнюю ящерицу, должен быть сытым. Иначе ящерица, съев пустого таракана, останется голодной.

– Умеешь ты настроение приподнять, – буркнул я. – Но аналогию я понял.

Потом был короткий инструктаж, на котором нам выдали нечто вроде продвинутых КПК и ознакомили с картой Зоны. Интересно. Оказывается, после того как рванули энергоблоки, японцы просто отмерили от эпицентра взрывов круг радиусом в тридцать километров и объявили его зоной отчуждения. Примерно половина круга пришлась на море, половина – на сушу, полностью накрыв несколько крупных поселков.

– Неслабо, – хмыкнул я, глядя на карту. – Больше тысячи квадратных километров зараженной земли. Половина Чернобыльской Зоны. А это, как я понимаю, кратчайший путь к реакторам? Шоссе?

Я ткнул пальцем в желтую извилистую линию, пересекающую Зону.

– Господин понимает правильно, – поклонился инструктор, японец в очках и скромном офисном костюме – видимо, ученый невысокого ранга, не то что водитель, который привез нас сюда. – Национальная трасса номер двести восемьдесят восемь.

– А почему морем не пройти? – поинтересовался я. – На берегу, подальше от реакторов, на границе зоны отчуждения загрузиться на катер, проплыть вдоль линии волноломов и высадиться прямо возле цели.

– Не получится, – покачал головой ученый, причем голос его заметно дрогнул. – Возле реакторов со стороны моря наблюдаются нетипичные волны-убийцы, реагирующие на движение. Высота этих волн от пятнадцати до тридцати метров. Наша береговая охрана уже потеряла возле «Фукусимы-1» два катера, также затонуло научное судно – волна просто расколола его пополам.

Я слышал про такие волны, причины возникновения которых до сих пор неизвестны. Посреди совершенно спокойного моря внезапно возникает стена воды высотой с дом, и горе судну, которое окажется на пути такой волны.

– Ясно, поверим на слово, – пробормотал я, пряча КПК в карман разгрузки. – Транспорт не поможет – путь неизвестный, влетим в аномалию какую-нибудь, костей не соберем. Значит, вариантов нет, придется идти пешком через всю Зону.

– Придется, – эхом отозвался Савельев.

Потом нас провели через пропускной пункт кордона, напоминающий маленькую крепость. Негромко загудел скрытый механизм, и толстые металлические ворота немного отъехали в сторону – ровно настолько, чтобы мог пройти один человек.

– Побыстрее, пожалуйста, – с поклоном проговорил начальник пропускного пункта, причем мне показалось, что в его голосе я услышал нотки беспокойства. Интересно. Военный, под началом которого находится целая небольшая армия, охраняющая кордон, чего-то боится. Чего, интересно?

Ответ нашелся быстро, буквально шагах в тридцати от ворот.

Это был человек, лежащий на шоссе лицом вниз. Причем он будто в жидкую грязь упал – его руки по локоть словно утонули в асфальте. Как и ноги: таз наверху, а все остальное – под дорогой. Лицо тоже погружено в асфальт, полностью...

Но самое странное было не это.

У человека не было затылка. Ладно, предположим, что пулеметная пуля на выходе вынесла напрочь затылочную кость. Но чтоб при этом череп остался полностью пустым, словно хорошо помытая чайная чашка, – такого я еще не видел.

– Вряд ли пуля, – подал голос Японец, то ли угадавший ход моих мыслей, то ли прочитавший их – с него станется. – Если б он лицом пулю поймал, навзначь бы упал.

– Может, ты и прав, – задумчиво проговорил я. – Если только это человек. Людям не свойственно тонуть в асфальте, словно в жидком дерьме.

На это Виктор промолчал. Видимо, о том же подумал.

Внезапно на моем КПК запищал вызов. Я нажал на кнопку, слегка удивленный: интересно, кто бы мне мог звонить в Японии? Впрочем, кто бы мог мне позвонить вообще, где бы я ни находился...

– Еще раз приветствую вас, Воин тысячи лиц, – прозвучал голос из динамика. – Нас не представили, но это неважно. Я профессор Такеши Накамура, тот, кто инструктировал вас.

– Ага, понятно, – сказал я. Тот самый японец в очках и костюме, словно купленном на распродаже секонд-хенда. – Чем обязан, Такеши-сан?

Кстати, это «сан» как-то само собой вырвалось. Японский суффикс, прибавляемый к имени и подчеркивающий уважение к собеседнику. Ну, что ж, спасибо тебе за подсказку, ками древнего воина, подселенное в меня против воли. Правда, благодаря этому я сейчас, немного потренировавшись, говорю на японском практически как на своем родном языке, так что пока плюсы перевешивают некоторый психологический дискомфорт от наличия во мне призрака мертвеца, нашептывающего мне правильные суффиксы.

– Буду краток, – донеслось из КПК. – Вам просто нужно кое-что знать. Это совершенно секретные сведения, которые я сообщаю вам, рискуя собственной жизнью. Итак. В день катастрофы гигантское цунами, ударившее по реакторам и спровоцировавшее аварию, возникло не просто так, а в результате взрыва секретной подводной лаборатории, которую снабжала электроэнергией АЭС «Фукусима-1».

– И зачем было строить лабораторию под водой? – удивился я, вдоволь полазивший по обширной сети чернобыльских подземных лабораторий. – Недешевое же удовольствие!

– В Японии свободная земля слишком дорогая, – терпеливо пояснил ученый. – Ее мало, а воды вокруг много. Потому у нас нырять дешевле, чем копать. Прошу, не перебивайте, у меня времени осталось совсем немного.

– Молчу-молчу, – быстро заверил я.

– Продолжаю. Подводный выброс ядовитых веществ неизвестного состава отравил море и вырвался наружу. Зараженное этими веществами цунами ударило по реакторам, разрушило их и спровоцировало нетипичные выбросы радионуклидов. В результате этих выбросов весь воздух и вся почва в радиусе тридцати километров оказались заражены неизвестным веществом, провоцирующим кошмарные мутации, протекающие нетипично быстро.

– Знакомо, – буркнул я.

– Первые мутации, с которыми столкнулись ликвидаторы аварии, выглядели страшно. У тех, кто попал под выбросы из реакторов, лопались черепа, и мозги людей выбирались наружу, словно птенцы, вылупившиеся из яйца.

– Выбирались? – переспросил Японец – возможно, решил, что ослышался.

– Именно, – подтвердил ученый. – И это нечто, выбравшееся из головы мертвеца, уже не было мозгом человека. Смотрите.

На экране КПК появилось жуткое фото. То, что было на нем, действительно напоминало мозг, перевитый извилинами, нижние из которых превратились в щупальца. А еще между верхними извилинами были видны черные бусины, напоминающие паучьи глаза без век и зрачков.

– Мы назвали этот кошмар «хидои но», – произнес ученый.

– «Ужасный мозг», – невольно перевел я на русский.

– Именно, – донеслось из КПК тоже на русском, хотя и с приличным акцентом. – Или просто хидои. Это агрессивное существо питается кровью живых существ. Далеко прыгает, впивается в открытый участок тела и словно превращается в твердый, непробиваемый камень, пока не насытится и не отвалится. Срезать его можно только с солидным куском собственной плоти. Но что самое страшное – после такой атаки мозг атакованного существа начинает превращаться в хидои. Превращение занимает от пяти минут до нескольких дней, это зависит от индивидуальных особенностей организма. При этом зараженный приобретает фантастические способности – сверхскорость перемещения, небывалую силу и даже иногда способность проходить сквозь стены.

Мы с Японцем переглянулись. Теперь понятно, кто лежал перед нами, наполовину погруженный в асфальт. Носитель, внутри которого созрел хидои. Который благополучно вылутился, проломив затылочную кость, и уполз по своим делам.

– Но есть еще одно, – проговорил Такеши. – Ученые выяснили, что хидои в медицинском плане чрезвычайно ценны. Мы разработали препараты из экстракта этих существ, которые запускают вспять процессы старения и многократно улучшают мозговую деятельность. Результаты заметны буквально через несколько дней после введения препарата...

– Мы? – перебил я ученого.

– Да. Мы.

Слышно было, что эти слова дались ученому тяжело.

– Мы. Я и моя команда учеников. Но тогда мы не знали, над чем работаем, нам просто приносили куски биоматериала. Однако это в прошлом, за которое я готов понести любое наказание...

– Почему вы нам помогаете? – вклинился Виктор.

Последовала секундная пауза.

– Там Кацуми, моя жена, – с трудом произнес профессор. – В Зоне. Она работает там. Или работала... Я надеюсь, что она все еще там... И, быть может, вам удастся ее спасти...

– Работала? – переспросил Японец. – Кем?

Слышно было, что профессору все труднее говорить, но он пока справлялся.

– Зона – это огромная ферма по выращиванию хидои. Взрыв подводной лаборатории и цунами, возможно, и не были запланированными, но хозяева Зоны быстро сориентировались в ситуации и постарались извлечь из нее максимальную выгоду. А на любой ферме нужен персонал. Много персонала...

– Понятно, – скрипнул зубами Японец. – А заправляет фермой, вернее Зоной, клан Ямагути-гуми. Выращивает людей на убой, предварительно превращая их в монстров. Бизнес в духе этого клана. Не объясните, зачем мы здесь? Сомневаюсь, что нужно было городить такую сложную многоходовку, чтобы запустить сюда еще пару свежих тел на убой.

– Дело в том, что недавно датчики зафиксировали искажения нашей реальности, – сказал профессор. – Сильные искажения, с прорывами ткани Мироздания. После этого мы перестали получать сообщения от наших фортов – и от тех, кто уходил в Зону, чтобы выяснить причину потери связи. На одном из этих фортов работала моя жена.

– Что за форты? – быстро спросил я, хотя в целом уже было понятно, о чем идет речь.

– Отправляю вам карту с обозначением фортов. Это укрепленные пункты в Зоне, где проживают охрана, ученые, обслуживающий персонал...

– А также наверняка охотники на хидои, – невесело усмехнулся я.

– Вы правы, – еле слышно произнес Такеши. – Их так и называют – охотники... Простите, мне надо идти: кажется, мой сигнал засекли... Спасите мою жену, умоляю вас...

Из динамика послышался топот, множество голосов, вскрик ученого, после чего связь прервалась. Правда, за мгновение до этого на экране появилась фотография молодой женщины – видимо, это и была Кацуми, жена Такеши.

– Сомневаюсь, что мы еще увидим профессора, – задумчиво произнес Японец.

– Тем не менее информацию он нам слил немаловажную, – заметил я. – Ну, пойдем, что ли, посмотрим, что тут за Зона такая.

* * *

Есть у всех зараженных земель одна общая черта. Куда ни кинь взгляд – везде унылая безысходность. Серое все, хмурое, облезлое, сгнившее...

Мертвое.

Вроде и есть кусты да деревья, и даже местами много их – ядерная зараза способствует росту растительности. Но все равно не такие они, как те, что растут на здоровой земле. Зомби – он тоже на человека похож, и двигается, и лопочет себе под нос слова, порой даже связные. А все равно глянешь – и сразу понятно, что перед тобой живой труп. То же и с растениями во всех отравленных Зонах, что я видел.

И с животными.

И с людьми...

Мне тоже не раз говорили, что я мутант, и, думаю, правы были. У нормальных людей ножи и всякие другие твари в руках не живут, и щупальца у них не вырастают из шейного позвонка, и Предназначения у них нет убивать то, что другие считают нечистью, – хотя, возможно, что сами они нечисть и есть. Но я давно смирился с тем, что мне уже не стать обычным человеком, и просто иду по жизни, вернее, плыву по течению, не сопротивляясь ему. Потому, что давно устал и жить, и сопротивляться...

Мы с Японцем шли по центральной улице поселка Окума, на которую свернули с Национальной трассы номер двести восемьдесят восемь.

В отличие от Токио с его небоскребами поселок выглядел более чем скромно. Настолько скромно, что и сравнивать нельзя. В брошенной жителями и постепенно разваливающейся Окуме преобладали двухэтажные домишки, и в лучшие годы не блиставшие роскошью. Обыкновенные дешевые щитовые жилища с по-восточному экзотическими двускатными крышами, причем к настоящему времени уже многие из них наполовину развалились – во влажном климате без ухода все гниет намного быстрее, чем на материке, вдали от моря и его испарений.

Вдоль улицы были кое-как понатыканы столбы, меж которыми беспорядочной сетью провисли многочисленные провода. На домах и столбах висели когда-то ярко раскрашенные, а сейчас уже изрядно облезлые фанерные баннеры с рекламой еды, сувениров, дешевой одежды. И в городке без единой души эти цветные рекламные пятна выглядели нелепо и даже жутковато, точно рваный праздничный наряд на мертвом клоуне.

Хотя насчет «ни единой души» я погорячился.

Из-за полуразвалившегося дома неуверенной походкой вышел старый сгорбленный японец. Увидел нас – и пошел навстречу, неестественно выворачивая ноги при ходьбе и улыбаясь беззубым ртом. Так приветливо мог бы щериться почтовый ящик, если б умел улыбаться щелью для приема писем. Эту улыбку на лицо старика будто специально натянули – ну не умеют люди растягивать уголки рта так, что щеки собираются в гармошку, отодвигая назад уши.

– Зомби? – тихо спросил Виктор, снимая автомат с предохранителя.

– Не похож, – отозвался я, делая то же самое. – Зомби не умеют так щериться, что аж шкура на затылке в кучу.

А между тем японский дедуля довольно шустро шагал к нам, неловко цепляясь грязными пальцами ног за дорогу. Видимо, он так ходил постоянно, поскольку ногтей на его пальцах не было, как не было и крови на тех местах, где им положено находиться. Похоже, слетели давно и заросли, что не билось с концепцией доктора Такеши по поводу того, что люди, атакованные хидои, довольно быстро умирают, родив головой самостоятельный мозг на ножках.

То, что дедушка не обниматься к нам шел, было очевидно, поэтому я двумя одиночными выстрелами прострелил ему колени. Кто-то скажет – жестоко? Наверно. Но «Зона» и «война» – синонимы, а на войне жестокость, имеющая практический смысл, превращается в необходимость. Сейчас же мне нужно было понять, чем улыбчивый, но уже мертвый дедуля отличается от обычного зомби.

И я это понял сразу после того, как старик рухнул на землю и пополз к нам, неестественно задрал лицо кверху и продолжая жутко скалиться. При этом горб на его спине несколько раз дернулся словно сам по себе.

– Думаю, это носитель, – сказал Виктор. – Хидои прилепился к нему и использует как транспорт.

– И одновременно как ходячую кормушку, – добавил я. – Удобно. И покушал, и пока-тался.

– Именно, – кивнул Виктор, поднимая автомат.

Три короткие очереди одна за другой ударили в горб, который задергался, почував неладное, и попытался свалить. Он оказался на редкость живучим – и сильным. Ветхая рубашка на спине старика вздулась, треснула, и из образовавшейся прорехи выпрыгнуло нечто размером побольше человеческого мозга как минимум раза в два.

Оно шлепнулось на дорогу и, подпрыгнув еще раз, явно вознамерилось убежать. Но эту попытку мы с Японцем пресекли на корню, скрестив на твари очереди двух автоматов.

Во все стороны полетели куски плоти и брызги неестественно темной, практически черной крови. И почти сразу – осколки. Тварь, поняв, что слинять не удастся, попыталась окаменеть, но лишь ухудшила свое положение: пули просто раскололи ее на три неравные части. Теперь она была похожа на живой орех, по которому ударили молотком: сверху твердая серая скорлупа, а внутри в агонии дергается кроваво-белое содержимое.

Само собой, пожилой японец прекратил шевелиться сразу, как только от него отцепился хидои: физиологически старик был мертв уже давно. Хидои тоже умирал, но мы на всякий случай подождали, пока содержимое «ореха» перестанет сокращаться, и лишь после этого подошли ближе.

Признаться, такого я раньше не видел. На редкость омерзительное чудовище сотворила Зона. У мертвого старика так же не было затылка, как и у первого трупа, который мы увидели. Но в данном случае хидои не свалил в закат после того, как вылупился, а присосался к спине покойного и стал им управлять. Наверняка и пищу как-то искал для перевозчика, и его кровеносной системой управлял, не только тупо пожирая кровь, но и регулируя обмен веществ. И даже регенерацией заведовал, заботясь о своем транспортном средстве: места слезших ногтей заросли преотлично...

– Они мутируют, – произнес я, меняя магазин. – Становятся умнее. И больше. И все это моя вина.

– Не думаю, – покачал головой Японец. – Если б не взорвалась подводная лаборатория, ничего бы этого не было. К тому же не ты организовал этот совершенно бесчеловечный мозговой бизнес.

– Слабое утешение, – буркнул я. – И что самое паршивое – этих хидои слишком трудно убить. Надо было все-таки «калаши» брать. А лучше огнеметы...

Меня прервал довольно неприятный звук – будто кого-то душат, и удушаемый при этом силится втянуть воздух через пережатое горло. Я вскинул автомат и выстрелил в еще одного

носителя, появившегося из-за облезлой стены ближайшего дома. Ясно, почему он задыхался, – хидои прилепился к его горлу, похожий на потемневший нарост, какие встречаются на старых деревьях. Почему потемневший – понятно: носителя надо было кормить, а пасть, постоянно растянутая в жуткой ухмылке, еду удерживала неважно. Вот эти слюни постоянно и текли на хидои, меняя его окрас. Сейчас, кстати, тоже темные струйки медленно стекали с одного угла рта носителя – видать, недавно покушал, аж глаза без зрачков полуприкрыл от удовольствия...

Между этих глаз я пулю и вцепил по привычке. И сразу понял, что зря потратил патрон: носитель как шел ко мне, сипя передавленной гортанью, так и продолжал идти, поднимая клубы пыли драными кроссовками.

Ошибку я исправил, всадив по пуле в каждый белесый глаз, и когда они взорвались, забрызгав всю подгнившую местами морду носителя, понял – это неплохой метод.

Носитель засипел громче, закрутился на месте. Ага. Значит, когда хидои находит носителя и становится симбионтом, он начинает пользоваться чужими органами зрения... до тех пор, пока они есть в наличии.

Как только я ослепил носителя, пленка из засохших слюней и блевотины треснула, и из нароста под подбородком ходячего мертвеца показались черные, равнодушные паучьи глаза. После чего ослепленный мною симбионт сориентировался в пространстве – и ринулся вперед, протянув в нашу сторону руки с пальцами, согнутыми наподобие когтей.

А за ним из-за домов уже выходили другие...

Когда на тебя бежит какая-то трудноубиваемая тварь, самое разумное – прострелить ей колени. Я выстрелил дважды... но без толку. Видимо, обилие глаз позволило хидои лучше координировать тело носителя в пространстве – на бегу он высоко подпрыгнул, и мои пули лишь слегка задели икры симбионта, что не помешало ему, приземлившись, продолжать бежать ко мне с нехилой скоростью. И то, что я высадил в приближающегося монстра весь магазин, ничего не дало: пушечные пули, попавшие в грудь носителя, никакого ощутимого вреда ему не принесли. И даже то, что две из них пробили глазастый нарост под подбородком, ситуацию никак не изменило.

Когтистая лапа метнулась к моему лицу, и я даже успел отбить ее в сторону пустым автоматом, слабо представляя, что делать дальше. «Бритву» извлечь из руки на такой скорости не получится, а тварь сейчас развернется, и уже одним автоматом от нее не отмахнешься...

Не развернулась.

Лишь вздрогнула – и упала, по инерции проехавшись на спине метра полтора. Причем упала не вся: туловище отлетело в одну сторону, ноги – в другую. А между летящими ногами и туловищем стоял Савельев в низкой стойке с мечом, занесенным над головой. Да уж, любит эффектные позы народ, воспитанный в японских традициях. Хоть на секунду, а зафиксироваться в положении, с которого хоть обложку для книги рисуй. Практического смысла, думаю, в этом никакого, один выпендрож. Но в целом, конечно, смотрится эстетично.

– За Долг жизни не считается, – сказал я, меняя магазин. – Может, я бы и сам справился. С вероятностью пятьдесят на пятьдесят.

– Если протормозим, нас сейчас порвут с вероятностью сто к нулю, – сказал Савельев, перетекая из эффектного положения в нормальное. – Их тут десятка полтора.

И правда, симбионты прибывали. Вылезали из-за домов, из домов, выползали из окон, поднимались из мусорных куч, принесенных то ли ветром, то ли цунами. И, что самое неприятное, непонятно было, куда сваливать. В Чернобыльской Зоне я хоть представлял, где можно укрыться, а тут каждый занюханый дом мог быть набит этими тварями...

– Форты, – сказал Японец. – Такеши что-то про них говорил.

Точно!

Я выхватил из кармана КПК, нажал на кнопку.

Вот оно!

Карта!

Ориентировались на местности мы уже на бегу, так как симбионтов образовалась целая толпа, и намерения у них были самые очевидные. Непростое это дело, когда приходится улепетывать со всех ног в полной боевой выкладке, но жить захочешь – сориентируешься.

– Туда, – ткнул я пальцем в сторону трехэтажного белого здания, на крыше которого слабо шевелился от ветра флаг Японии.

* * *

На карте это здание было обозначено как «Городская администрация поселка Окума, форт № 1». Думаю, до аварии первый этаж был похож на ряд застекленных витрин супермаркета, высотой метра два с половиной. Позднее «витрины» заварили металлическими щитами с прорезанными в них бойницами, превратив первый этаж в некоторое подобие ДОТа.

Второй и третий этаж здания администрации представляли собой ряды ничем не защищенных балконов, подпираемых колоннами. На балконах через каждые три метра стояли пулеметы на станках, а также местами еще что-то под чехлами, массивное и наверняка тоже огнестрельное. Нормальный такой форт, серьезный, даже от массивированной атаки симбионтов отбиться можно только так.

Если, конечно, возле огнестрелов будут находиться люди, которых на балконах не наблюдалось.

Здание вообще на первый взгляд выглядело пустым... и надежно законсервированным. Во всяком случае, входа я не увидел. Парадный подъезд тоже был наглухо заварен стальными щитами, и как попасть в здание – непонятно. Обежать по кругу, поискать вход? Можно, конечно, но что, если и с другой стороны его нет? С учетом наглухо заваренного подъезда это было вполне вероятно.

А симбионты, между прочим, не отставали. Бегали они нисколько не хуже людей, даром что ноги подволакивали при ходьбе. На бегу дерганая хромота куда-то девалась, и твари с кошмарными рожами, растянутыми в неестественных улыбках, приближались к нам довольно стремительно.

– Гранаты! – коротко бросил я, закидывая автомат за спину и выдергивая из подсумков сразу две. – Ты – влево! Обе накатом!

Разгрузки у нас были правильные. Внутри гранатных подсумков имелись шнуры, к которым я тщательно привязал кольца гранат, предварительно разогнув усики. Тогда в бою не приходится возиться с ними – резко выдернул гранату из подсумка, и все, можно кидать в цель.

Звеня, попадали на асфальт рычаги, отлетевшие от запалов, и я одну за другой катнул под ноги симбионтам две «эргэдэшки». Специально на складе российские гранаты брал. Хоть и с импортными я вполне знаком, а все равно рука свои точнее кидает. Дело привычки.

Получилось нормально. Оба зеленых «яйца» подкатились точно под ноги тварей и взорвались со звуком, похожим на хлопки от проколотых воздушных шариков, только громче в несколько раз. От тех хлопков довольно эффектно полетели в стороны фрагменты нижних конечностей особо резвых симбионтов, отчего они попадали на асфальт, создав своими телами препятствие для набегающих сзади.

Японец, кстати, тоже неплохо сработал, правда, чуток перестарался – его гранаты рванули в гуще толпы, но в целом сойдет. И даже зашибись, так как я по звуку хлопков определил: Савельев симбионтам «эфки» загрузил. Кабы они не в толпе рванули, нас бы самих осколками посекло как пить дать. А так норм, спины тварей поймали то, что могло прилететь нам.

Савельев ошибку свою понял, кинул на меня виноватый взгляд. Ну что ж, бывает. Это тебе не звездочками во вражью силу кидаться, тут опыт нужен. И хорошо, если он приходит со временем, а не прилетает в глаз – быстро и бесповоротно.

Притормозив бегущих, мы шлифанули результат, пройдясь длинными очередями по ногам тех тварей, кому повезло не поймать тушкой горячий осколок, – и рванули к зданию администрации. При этом я довольно смутно представлял, что делать...

Но тут Японец выдал на бегу:

– Я встану ступенькой. А ты прыгай с моей спины.

Ценный это навык в бою – без лишних слов донести до товарища то, что хотел сказать. По ходу, у нас с Савельевым это пока что получалось. Бегал он маленько побыстрее меня и сейчас вырвался вперед, встал под балконом, нагнулся, оперев руки в колени...

Непростое это дело – в полной выкладке с разгрузкой, рюкзаком и автоматом запрыгнуть на второй этаж, даже с живой «ступеньки». Но когда иного выхода нет – и не захочешь, а подпрыгнешь не хуже сайгака, раненного пониже хвоста.

В общем, с разбегу получилось. Я взвился в воздух, уцепился руками за перила, по инерции махом закинул ногу наверх, зацепился каблуком берца за край балкона, подтянулся. Дальше – дело техники.

Я перевалился через перила на ту сторону, сбросил с плеча МР5, развернулся, готовясь свеситься вниз, чтобы Японец зацепился за ремень автомата...

Поздно.

Савельев уже рубился с набежавшими симбионтами. Меч летал черной молнией так, что его почти не было видно, при этом во все стороны разлетались отрубленные руки, головы, и фонтаны черной крови хлестали из обрубков, обильно поливая асфальт...

По себе я точно знал: каким бы тренированным ты ни был, долго в подобном режиме махать мечом не получится, не зря ж даже у профессиональных боксеров раунды продолжительностью по три минуты.

И потому начал помогать, расстреливая автоматный магазин короткими очередями и метя не по симбионтам, а по хидои, прилепившимся к человеческим телам. Они от этого не подышали, но притормаживали слегка (видать, горячий свинец им был не по вкусу), что давало Савельеву лишнюю долю секунды на то, чтоб разобраться с очередным противником.

При этом я понимал: такая помощь не кардинальна, толку от нее немного. Просто мне нужно было несколько секунд, дабы оценить обстановку и понять, как дальше поступить, а когда я стреляю по врагу, мне думается лучше.

Опустевший автомат клацнул вхолостую, но я уже в принципе понял, как действовать. Вопрос лишь в том, смогу ли разобраться в японской механике...

Конечно, моя работа из пулемета здорово облегчила бы жизнь Японцу, может, даже и дала б возможность вырваться из толпы симбионтов. Но в этом я был не уверен – если судить по тому, насколько трудно убить этих тварей. Потому я рискнул потратить лишнюю пару секунд – кинулся к массивной штуковине, стоявшей на станке и накрытой чем-то вроде брезентового чехла, сдернул его – и присвистнул.

Это был китайский «Тип 74», струйный огнемёт с увеличенным количеством баллонов – шесть вместо штатных трех. Почти все страны мира уже отказались от этого оружия, эффективного на дистанции до семидесяти метров, но громоздкого и, в случае попадания пули в баллон, смертельно опасного как для самого стрелка, так и для тех, кто находится рядом. Почти все – но не Китай, где его до сих пор производят для армии в значительных количествах. И, поскольку сделан он на базе советского легкого пехотного огнемёта «ЛПО-50», проблем с применением этого уже экзотического оружия у меня не было – в свое время доводилось использовать в Чернобыльской Зоне. Да и какие проблемы могут быть, когда все элементарно: сдвинул флажок предохранителя – и работай!

У этого типа огнемётов сколько баллонов – столько и выстрелов. Что было просто отлично, можно огнесмесью всю площадь залить. Главное – не задеть Японца, который весьма

шустро метался под балконом, отмахиваясь мечом от симбионтов. Но по тому, как он двигался, было заметно: подустал маленько. Еще минута от силы – и совсем выдохнется.

И тогда я начал стрелять.

Для начала один заряд полностью потратил на тех тварей, что напирала сзади. Это значит, что я целых три секунды поливал симбионтов пламенем, словно водой из брендспойта. Вообще, конечно, картина страшная, когда целая толпа существ, так похожих на людей, объята пламенем. И орала они жутко, растянув свои неестественные пасти так, что нижние челюсти доставали чуть не до середины груди. Я человек не впечатлительный, много чего повидал, но эта картина по нервам скребанула...

Тем не менее переживать было некогда, Японец, по ходу, сам себя не выручит. Потому я второй струей пламени резанул по наседающей толпе уже ближе к нему и заорал:

– Прыгай! Через огонь!

Он услышал. Рубанул какого-то симбионта по башке, раскроив ему череп надвое, оттолкнулся одной ногой от асфальта, второй от груди ближайшей к нему твари, сделал кульбит, пролетая сквозь пламя – и вот он уже на другой стороне стены горящих тел... Блин. А обратно-то как? Ладно, это позже. Сейчас главное – оставшуюся часть тварей залить огнесмесью!

Я нажал на спуск...

Твою ж душу!!!

Огнемет всхлипнул, плюнул огоньком длиной с мой палец – и сдох. Вот же ехихиньская маханька, как говорил один мой старый знакомый...

А симбионты, видимо, решившие покушать сегодня любой ценой, ломанулись к Виктору, сметая по пути горящих сотоварищей. При этом у них загоралась одежда, но тварей это нисколько не смущало.

Я бросил огнемет и ринулся к пулемету. Фиг знает, что за конструкция, первый раз такой вижу. Ствол из-за ребер охлаждения похож на шланг от пылесоса, ствольная коробка подчеркнута прямоугольная, сверху установлен оптический прицел довольно топорного вида...

Но пулемет – это не станок с ЧПУ. Если вообще когда-то работал с этим типом оружия, то с машинкой другой конструкции как-нибудь разберешься. Тем более когда она уже снаряжена лентой – бери да стреляй.

Чем я и занялся, метя по ногам симбионтов.

Получилось неплохо. Твари попадали на асфальт, образовав коридор из коптящих, но еще живых тел. Этого я и добивался!

Японец все понял без пояснений – и побежал прямо по этому коридору, по дымящимся телам, по пальцам, пытающимся схватить его за ноги...

Он несся к балкону.

Я бросил было пулемет, чтобы, как и намеревался раньше, свесившись через перила, протянуть ремень автомата, но Савельев заорал дурным голосом:

– Стреляй!!!

Ладно, это без проблем – тем более что симбионты и правда за ним ломанулись. При этом я краем глаза смотрел, что он будет делать, балкон-то был довольно высоким.

И Японец отжег, конечно, такое в цирке надо показывать. На бегу сунул свое оружие в ножны, подбежал к балкону, не снижая скорости вертикально поставил меч на асфальт, высоко подняв правую ногу, наступил на край гарды, левой ногой оттолкнулся от асфальта, правой от гарды, птицей взлетел на балкон – а меч элегантным движением затащил вверх посредством шнура, привязанного к ножнам. На все про все секунда ушла, не больше.

– Хренасе! – искренне удивился я, отпуская спусковой крючок пулемета: стрелять больше надобности не было, все симбионты столпились под балконом, в мертвой зоне, чадя и воня горелым мясом.

Но не тут-то было! Пулемет продолжал стрелять без меня – дергано, отрывисто, словно плюясь пулями. Японец удивленно посмотрел на оружие, бьющееся на станке самостоятельно, без моего участия изрыгая в никуда свинец и пламя.

Продолжалось это недолго – в ленте не так уж много патронов осталось. И когда наконец пулемет перестал харкать огнем, я пояснил:

– Самовоспламенение патронов. Случается в ненадежных конструкциях от перегрева патронника.

– Ясно, – сказал Японец, закидывая меч за спину и фиксируя его шнуром. – Стало быть, пулемет не очень. Но свою функцию выполнил – и на том спасибо. Дальше что?

Я глянул вниз.

Симбионтов можно было больше не опасаться – по ходу, использовать корешей вместо лестницы, а уж тем более кинематографично запрыгивать на балконы с помощью подручных средств они точно не умели. Вот и ладушки, вот и хорошо.

Я обернулся.

Позади меня был проход с балкона внутрь помещения – темного, без признаков жизни.

– Дальше пойдем, посмотрим, что там, – предложил я. – Все равно больше идти некуда.

– Логично, – кивнул Японец.

* * *

Когда-то это было обычное административное здание. Наверняка в этих просторных помещениях во множестве находились столики с компьютерами, отгороженные друг от друга символическими переборками. За столиками сидели прилежные японцы, сосредоточенно регулируя жизнь поселка, обслуживающего атомную электростанцию.

А потом под водой рванула секретная лаборатория, и цунами, раздолбав в хлам четыре энергоблока, выпустила на волю радиоактивное облако, приправленное какой-то ядовитой лабораторной гадостью. После этого здание городской администрации оперативно переоборудовали в штаб подразделений ликвидаторов аварии – это было видно по развешанным на стенах агитационным плакатам и схемам, которые никто не удосужился снять.

Ну а позже, когда выяснилось, что местные мутанты – это золотое дно, клан якудза Ямагути-гуми быстренько прибрал к рукам всю Зону, превратив штаб ликвидаторов в форт. Базу для добычи ценного биоматериала.

На первом этаже здания находился склад, на втором – лабораторная зона, на третьем – жилая. Так было обозначено на одной из схем, висевших на стене. Правда, внизу было еще что-то. Какой-то небольшой отсек, квадрат, помеченный косым крестом, похожим на нашу букву «Х». Или на икс, это уж кому как больше нравится. И рядом иероглиф, означающий «смерть». Причем этот иероглиф, как и икс, был нарисован от руки, неровно, явно в спешке. Подумалось мне, что дисциплинированный японец экстренно спасал свою жизнь, но, пробегая мимо плана здания, не мог не задержаться на секунду и не пометить проблемную зону. Такое было бы вполне в духе местного населения, которому веками прививали обостренное чувство ответственности перед другими.

Кстати, на этаже царил полный бардак. Словно сюда кто-то гигантского енота запустил, которые, как известно, звери любопытные – любят все исследовать и при этом ломать. Что, в принципе, логично: не сломаешь – не поймешь, из чего состоит интересующий предмет.

Повсюду валялись обломки мебели и помятое, разбитое оборудование. На стенах тут и там видны сколы, какие бывают, когда пуля бьет в штукатурку. А еще здесь было много засохшей крови – на полу, стенах, даже на потолке. Правда, тел я не увидел, только темно-вишневые, высохшие пятна, когда-то бывшие лужами.

– Бойня была, – сказал Японец. – Люди ничего не могли сделать, их просто рвали на части.

– Кто рвал? – поинтересовался я. Мало ли, Савельев глазастый, может, разглядел что.

– Кто-то, кто может оторвать человеку голову, а для этого нужна колоссальная сила, – констатировал Виктор. После чего нагнулся, отодвинул в сторону обломок стола и поднял с пола за волосы голову, из-под подбородка которой свисали вниз высохшие обрывки кожи и мышц. Судя по трупным пятнам со следами некроза, оторвали ее не особо давно. Думаю, примерно в то время, когда я слегка переборщил со своим желанием оживить друзей и в результате неслабо потряс вселенные Розы Миров, едва не доведя их до катастрофы⁵.

– И это не наши симбионты, – заметил я. – Силенок не хватит у них такое провернуть. Кажется, я пробудил что-то очень серьезное, пока миры баламутил.

– Может, и так, – произнес Японец, аккуратно кладя голову на место. – А может, ты и ни при чем.

– Хотелось бы в это верить, – вздохнул я.

Понятно, конечно, что погибшие работали на клан Ямагути-гуми, стало быть, вряд ли были безгрешными, белыми и пушистыми. Однако сейчас я чувствовал некоторый душевный дискомфорт: когда я прямо или косвенно являюсь причиной гибели живого существа, всегда испытываю определенную неловкость. И, по ходу, это чувство из-за моего Предназначения уже постоянное, словно заноза в душе. Саднит, зараза, а вытащить – никак...

Мы шли по разгромленному этажу с автоматами на изготовку, и чем дальше продвигались, тем чаще замечали валяющиеся тут и там части человеческих тел: вон рука оторванная валяется, неподалеку от нее стопа в окровавленной женской туфельке, из которой торчит обломок кости. А там, в углу, комок вырванных кишок, висящий на спинке стула – то ли случайно так вышло, то ли какая-то эстетствующая тварь организовала эдакий натюрморт...

– Смотри! – Японец ткнул пальцем на потолок, но я уже и сам заметил там густые засохшие пятна крови, которые по мере нашего продвижения вперед становились все обширнее.

– Сквозь потолочные перекрытия протекло, – откликнулся я. – Боюсь представить, что там творится.

– Но глянуть-то надо, – произнес Виктор.

– Понятное дело, – согласился я.

Лестница, ведущая наверх, была прямо перед нами – ну мы и пошли по ней, готовые стрелять на любой шорох...

Но вокруг было тихо. Как в могиле, которой, по сути, и являлось это здание.

Металлические двери, ранее закрывающие проход на верхний этаж, были просто смяты, сорваны с петель и сейчас валялись в коридоре. Мы перешагнули через них и, не сговариваясь, остановились, разглядывая открывшуюся перед нами картину.

Как и было обозначено на плане здания, сейчас мы находились в помещении, которое раньше было жилой зоной форта – до того, как неведомая сила переломала все кровати и тумбочки. И не просто переломала, а утрамбовала мусор вдоль стен. Получается, площадку готовила для той жути, что открылась нашим глазам.

Это были определенно яйца какой-то твари. Здоровенные, примерно метра полтора в высоту, с полупрозрачной скорлупой.

Они стояли рядами по всему этажу, и их были сотни.

Яйца флуоресцировали зеленоватым светом и потому были прекрасно видны в полумраке помещения. Внутри них скорчились зародыши, как мне показалось, похожие на человеческие, но с избыточным количеством длинных и тонких конечностей. Этими конечностями зародыши обнимали что-то. Но что?

⁵ Об этих событиях можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Закон Кремля» литературной серии «СНАЙПЕР».

Я подошел поближе к ближайшему яйцу, потыкал его пальцем, присмотрелся – и от ярости закусил губу так, что почувствовал вкус крови.

Через прочную, кожистую, но, тем не менее, полупрозрачную скорлупу было хорошо видно – там, внутри яйца, зародыш обнимал человеческую ногу, оторванную по колено, вцепившись в нее маленькими челюстями, похожими на щипцы для колки орехов.

– Чего только природа не выдумает, – удивленно произнес Японец. – То есть матка рождает яйцо, лишенное белка. И в качестве подпитки сует туда шмат человеческого мяса, чтоб зародыш кушал и развивался. Думаю, при рождении скорлупа мягкая, и матка просто засовывает внутрь яйца пропитание, после чего скорлупа затягивается.

– Может, ты и прав, – задумчиво отозвался я, осторожно двигаясь вперед. Правда, ушел недалеко. – А вот и она, кстати.

Дальние ряды яиц тонули в полумраке помещения. И из этого полумрака вышла она.

Паучиха ростом с меня.

Мохнатая, как и положено.

С длинными когтями на концах восьми лап.

С придатками-педипальпами, очень напоминающими руки с тремя пальцами на каждой.

С мощными челюстями-хелицерами...

И с женским лицом поразительной красоты над ними – тонкий нос, огромные глаза с едва заметным восточным разрезом, длинные ресницы, высокие тонкие брови, густые черные волосы, зачесанные назад и открывающие дополнительную пару выпуклых глаз над маленькими, изящными ушами.

– Хм, если б не челюсти, она была бы очень даже ничего, – проговорил я, поднимая автомат.

– Зная тебя, думаю, ты б и с кумо переспал, не обращая внимания на челюсти, – поддел меня Японец, медленно извлекая из ножен меч.

– Ее так зовут? – поинтересовался я.

– Кумо – это демон-оборотень из японской мифологии, – пояснил Виктор. – Кстати, умеет превращаться в нормальную женщину, так что, думаю, у тебя есть шанс.

– Да ну на фиг, – поежился я, вспомнив свое болотное эротическое приключение в Древней Руси. – Обойдусь как-нибудь без японских демонов...

Мы трепались не просто так.

Мы были заняты.

Пятились, не стовариваясь, – ибо какой смысл стовариваться, если и так понятно, что делать. Если начать стрелять сейчас, тварь бросится вбок, скрываясь за яйцами, и, вполне возможно, двигаясь между ними, подберется к нам едва ли не вплотную, что для боя не комильфо. Мы ушли недалеко вперед, так что лучше было бы выманить тварь на более-менее открытое пространство и там уже знакомиться поближе.

И нам это почти удалось!

Перед первым рядом яиц было немного свободного места, и мы до него почти допрыгнули, когда кумо подогнула толстую паучью задницу под себя – и плюнула тонкой, сверкающей сетью, по мере приближения к нам стремительно увеличивающейся в размерах.

Я быстро упал на пол, уже в падении начав стрелять по этим прекрасным глазам. Савельев же опять выпендрился – резко утек в красивую стойку, одновременно рубанув мечом по серебристой сети.

Получилось красиво. Коснувшись лезвия меча, сеть полыхнула желтым пламенем и исчезла, при этом мне показалось, что черный меч Виктора на мгновение стал золотым. Кстати,

хорошая штука – рассеянное зрение⁶. Вроде и стреляешь куда надо, и одновременно боковым взглядом фиксируешь, что сбоку происходит.

Кумо же, плюнув сетью, бросилась вперед. Я точно видел, что попал очередью по глазам паучихи, но это ее совершенно не впечатлило. Пули словно утонули в черных, сильно расширившихся зрачках твари, не причинив им не малейшего вреда.

Плохо дело...

Я отбросил бесполезный автомат и, сжав зубы, послал мысленный приказ. Это всегда очень больно, когда «Бритва» выходит из руки, протыкая ладонь изнутри, но иногда без этого не обойтись.

Кумо же, аккуратно обогнув яйца громоздким телом, набросилась на Виктора. Меня, валяющегося на полу, по ходу, не заметила – то ли я в «мертвой зоне» ее зрения оказался, то ли решила, что я со своим беспонтовым автоматом – противник несерьезный. Так или иначе, она пронеслась мимо меня, и ее челюсти клацнули в том месте, где долю секунды назад была голова Савельева.

Промახнувшись, тварь раздосадованно зашипела, и я увидел, как из ее пальцев начали стремительно выползать когти, похожие на небольшие мечи. Ишь ты, не один я храню в руках сюрпризы!

Двигалась кумо стремительно, нанося удары когтистыми руками и ногами, вдобавок норовя укусить Японца. Который, кстати, уходил от ее ударов мастерски, при этом умудряясь рубить мечом...

Правда, толку от его меча было не больше, чем от моего автомата. Похоже, под толстым волосяным покровом у твари была шкура покруче носорожьей, потому меч Виктора не причинял кумо ни малейшего вреда.

А еще Японец заметно выдыхался, прямо на глазах теряя скорость. Он еще от махалова с симбионтами не пришел в себя, а тут вон чего... И как ему помочь – я без понятия. «Бритва», конечно, оружие замечательное, но на ближней дистанции эта тварь меня просто разок долбанет своей ножищей, и на этом моя помощь бесславно закончится. Блин, ну хотя бы отвлечь бы как-то, а то она Савельева точно сейчас прищучит...

И тут меня осенило!

Я вскочил на ноги, подскочил к ближайшему яйцу, вспорол «Бритвой» мягкую, податливую скорлупу и кольнул омерзительный паукообразный зародыш кончиком ножа.

По ходу, твареныш с зажатой в лапах оторванной человеческой рукой должен был скоро родиться и без моего участия, так как обгрызенную руку он выпустил и громко заскрипел, словно десяток несмазанных дверей вдруг разом открыли.

Кумо, занесшая было руку для очередного удара, замерла. Ага, то, что надо! И для усиления эффекта я нажал чуть сильнее, после чего повернул «Бритву» в ране.

Зародыш заорал так, что у меня уши заложило. Кумо же, развернувшись на сто восемьдесят градусов, ринулась на меня.

Но я уже понял, что яйца для нее важнее всего, и метнулся за другое яйцо, невскрытое, перед которым тварь резко остановилась, словно резвый конь, получивший по ноздрям оглоблей. Она попыталась было меня достать, метнувшись влево и одновременно выбрасывая вперед когтистую ногу, однако я легко ушел от удара, спрятавшись за другое яйцо – они были здесь поставлены довольно густо.

⁶ Рассеянное зрение – метод, описанный в «Книге пяти колец» японского фехтовальщика Миямото Мусаси (1584–1645): «В бою важно смотреть в обе стороны, не двигая глазами. Используй боевой взгляд в повседневной жизни и не меняй его, что бы ни случилось». Автором названия «рассеянное зрение» является Дмитрий Силлов, который подробно описал боевое применение данного метода в своей книге «Энциклопедия реального уличного боя».

Кумо было призадумалась, но тут я длинным ударом «Бритвы» сверху вниз взрезал ближайшую кожистую скорлупу – и тварь не выдержала. Ринулась вперед, вот только я уже отскочил назад, и она, с размаху влетев в промежуток между двумя яйцами, застряла.

Думаю, с ее проворством ей бы хватило пары секунд, чтобы освободиться. Рванулась бы как следует – и за полмгновения справилась, но она уж слишком сильно боялась повредить драгоценные яйца. Мне же этой пары секунд хватило, чтобы подскочить к ней и таким же длинным ударом раскроить ей череп пополам.

Разрез прошел точно посередине, и прекрасное лицо паучихи развалилось надвое, обнажив совершенно черную сердцевину черепа. Ни намек на кровь, одна вязкая чернота, блестящая, точно скол куска каменного угля... И два внимательных глаза по краям этой черноты, которые не мигая смотрели на меня, словно кумо напоследок пыталась запомнить того, кто ее убил...

Правда, насчет убийства – это я погорячился: лицо паучихи вдруг быстро начало срастаться. Фантастическая регенерация! Еще секунда, и оно схлопнется, словно экзотический кошелек с черной подкладкой...

И тут меня осенило. Случается со мной такое порой, когда, словно пуля, в мозг влетает мысль, и ты на рефлексах, еще не осознавая, что делаешь, – делаешь!

Ну, я и сделал.

Полсекунды – рвануть кверху кармашек гранатного подсумка на разгрузке, еще полсекунды – выдернуть оттуда гранату, ощутив рывок, когда чека, привязанная ремешком за кольцо, вылетает из запала...

И еще столько же – чтобы швырнуть гранату в эту стремительно схлопывающуюся черноту.

А потом было долгое мгновение, когда лицо паучихи стало прежним, без малейшего шрама между глаз, продолжавших смотреть на меня не мигая – так, что мне, привычному ко многому, чуток не по себе стало...

Паучиха рванулась, высвободилась, встала на дыбы, и я увидел, что у нее в брюхе, словно ракеты в жерлах реактивной пусковой установки, торчат костяные гарпуны числом штук двадцать, не меньше. По ходу, я ее достал изрядно, и она решила применить против меня свое самое безотказное и смертоносное оружие...

Но – не успела.

Раздался приглушенный хлопок, и ее голова разлетелась, превратившись в веер черных брызг и ошметков плоти того же цвета. Я-то успел за ближайшее яйцо спрятаться, а вот Японцу, прибежавшему мне на подмогу с занесенным над головой мечом, пришлось хуже.

Вязкие капли хлестанули по его груди и лицу, залепив черной блестящей жидкостью то и другое. Причем не только жидкостью. В щеку Японца ударился удивленный, очень красивый глаз с тянущимся за ним пучком нервов. Шевелящимся пучком! Который попытался зацепиться за щетину Савельева – но у него ничего не вышло, и глаз смачно шлепнулся на пол, после чего, шевеля нервами на манер щупальцев, попытался смыться.

Вот только и на этот раз ничего у него не получилось. Японец поднял ногу и ударил, пяткой расплющив о пол шустрое глазное яблоко.

Кстати, без головы кумо чувствовала себя терпимо. Стояла на задних лапах, а передними лупила по воздуху, словно пытаясь до нас добраться. Причем у нее на плечах – если можно так назвать паучью верхнюю часть туловища – сейчас набухало что-то похожее на голову, потихоньку вылезавшую из обрубка шеи.

Такого безобразия допустить было нельзя.

Я подошел к обезглавленной твари, одним ударом «Бритвы» взрезал ей брюхо, уже зная, что сейчас будет. И, не дожидаясь, пока разрез начнет зарастать, покидал в него оставшиеся четыре гранаты.

- Псих, – выдохнул Японец, бросаясь ничком на пол. – Одной не хватило бы?
– Может, и да, – не стал спорить я, делая то же самое. – А вдруг нет?

По инструкции следовало бы лицо в пол воткнуть и голову руками прикрыть. Но, с другой стороны, если с такого расстояния осколок в башку прилетит, ладошки точно ее спасут? Потому я, вжимая брюхо в пол, голову приподнял, и смотрел, что будет.

Брюхо кумо ожидаемо стало зарастать прям на глазах – но процессу не суждено было завершиться. Раздались несколько приглушенных хлопков, и во все стороны полетели обломки ног, оторванные руки, клочья шерсти – и, конечно, густая черная кровь. Много крови...

Когда хлопнуло, я все-таки морду резко опустил, потому мне увесистый кусок осклизлого мяса не в глаз прилетел, а по макушке смачно шлепнул. И больно, аж шея заныла. Хотя, конечно, это не осколок, пережить можно.

Мы поднялись на ноги. С кумо было покончено, и, к счастью, на этаже больше подобных тварей не наблюдалось.

– Интересная тема, – сказал Японец, вытирая рукавом лицо, заляпанное черной кровью. – Кажется, кто-то всерьез занялся выведением боевых биологических машин, взяв за основу бестиарий из древнеяпонской мифологии. И, судя по тому, насколько трудно было убить эту кумо, изрядно преуспел в своем деле.

– Ага, – согласился я, потирая шею. – Причем, глядя на то, сколько яиц эта кумо наплотила, скоро у всего населения планеты будут серьезные проблемы.

– Думаю, это не она, – покачал головой Виктор. – Каждое яйцо метра полтора высотой. Кумо, конечно, немаленькая, но даже одно яйцо выносить не сможет.

Я призадумался.

– То есть ты хочешь сказать, что она их просто охраняла?

– Именно, – кивнул Савельев. – Все, что яйцам нужно, – это корм. Кумо проникли в форт через нижние этажи, уничтожили персонал. Потом натаскали сюда яиц, разорвали трупы, напихали расчлененку в яйца и ушли, оставив одну особь присматривать за кладкой до созревания.

– Похоже на то, – сокрушенно мотнул я головой. – А если в каком-то яйце закончится корм, то его вокруг форта бродит предостаточно. Не думаю, что хидои представляют опасность для такой паучихи.

– Согласен, – кивнул Виктор.

– Что ж, будем считать, что задание выполнено, – проговорил я. – Мы узнали причину гибели форта, так что можно вернуться и попытаться забрать у клана твою дочь.

Виктор покачал головой.

– Ты же сам понимаешь – если из этих яиц вылупится пара сотен новых кумо, Япония, может, с ними и справится, мобилизовав свои Силы самообороны. Но я уверен, что это не единственная кладка. К тому же, если кумо прорвут кордон изнутри, наружу хлынут не только они, но и симбионты.

– Понимать-то понимаю, – вздохнул я.

В принципе, Виктор ничего нового не озвучил, это все и так было понятно. Но я как-то слабо себе представлял, что мы вдвоем сможем сделать против твари, сумевшей отложить такое количество яиц.

Что я и озвучил.

– Ну а кто еще, если не мы? – усмехнулся Савельев. – Ямагути-гуми туда не полезут. Они уже пробовали, ничего не вышло – думаю, их бойцы пополнили ряды симбионтов. Или кумо накормила ими с десятков яиц, но это уже неважно. До правительства вряд ли удастся достучаться – нам просто не поверят. К тому же официально это просто закрытая зона экологической катастрофы, куда гражданским вход воспрещен, так что сразу возникнет вопрос, что

мы тут делали. Тем более мы оба – белые гайдзины⁷, люди второго сорта, которым веры нет и быть не может.

– Ясно, – сказал я. – Чего ж тут неясного. Опять придется в две хари мир спасать с вероятностью подохнуть примерно сто к одному.

– А тебя что-то держит на этой планете? – невесело оскалился Японец. – Мне казалось, что тебе абсолютно все равно – остаться жить или переселиться в страну Токоё⁸.

– Так-то оно так, – хмыкнул я. – А поворчать насчет вселенской несправедливости и крайне отвратительного устройства мира – тоже нельзя?

– Это сколько угодно, – улыбнулся Виктор. – Но давай ворчание совместим с делом – надо осмотреть нижний этаж. Думаю, кумо пришли откуда-то оттуда, потому что больше неоткуда.

– Офигеть! Ты, оказывается, улыбаться умеешь, – удивился я. – Я уж думал, у тебя что-то с лицом, паралич какой-то или типа того. – И, видя, что Японец собрался что-то ответить, опередил его: – Да-да, свою рожу в зеркале я лицезрел не раз! Удивительно, что кумо, увидав ее, сразу не отбросила копыта. Намек понял, перекур окончен, пошли нижний этаж смотреть.

* * *

А посмотреть там было на что.

Половина нижнего этажа представляла собой что-то среднее между разделочным цехом и научной лабораторией. Научная часть была заставлена приборами непонятного назначения. А в разделочном цеху симбионтов препарировали, словно лягушек, отделяя от них хидои, которых упаковывали в специальные контейнеры и отправляли в морозильные камеры – их тут было несколько, заполненных контейнерами примерно на треть. Ну а останки симбионтов отправляли в большую шнековую мясорубку, из которой трупы выходили в виде костно-мясного фарша, тут же упаковываемого в брикеты.

– И я даже, кажется, знаю, куда потом отправлялся этот фарш, – задумчиво произнес я.

– Ну да, – кивнул Виктор. – Типично японская тяга к безотходному производству. Симбионтов снаружи чем-то надо кормить, а давно известно, что белок представителей своего вида усваивается лучше всего.

– Мерзопакостно, но логично, – пожал я плечами. – Если якудза занимается всякими прибыльными аморальными делами, глупо ожидать, что она будет загонять себя в какие-то рамки.

– Любое действительно прибыльное дело всегда аморально, – усмехнулся Японец. – У каждого человека в жизни рано или поздно появляется выбор: остаться честным, но бедным, или же стать несколько богаче, при этом загнав пинками свою совесть в самый дальний и темный угол сознания. И, загнав, никогда не выпускать обратно. Потому что совесть и богатство – вещи несовместимые.

Я посмотрел на Японца с нескрываемым уважением.

– Это ты сейчас, конечно, сильно отжег, – сказал я. – Будь живы Лао Цзы с Конфуцием, они бы сейчас нервно курили в тени той мясорубки. Но, может, хватит про мораль и бабло, пойдём делом займемся? А то уже вонь от протухшего симбионтского фарша даже меня задолбала.

– Давно пора, – невозмутимо пожал плечами Савельев. – Это ты тему про фарш начал, а я просто разговор поддержал.

– Всегда отбрешется... – буркнул я себе под нос.

⁷ Гайдзин (яп.) – «иностранец». Без дополнения «*коку*» («страна») слово приобретает презрительный смысл – «чужак», «неяпонец». Применяется в основном к европейцам, в отличие от более близких по менталитету китайцев или корейцев.

⁸ Страна Токоё – «страна вечного мира». Мир смерти, в представлениях древних японцев находящийся далеко за морем.

Вторая половина этажа была отгорожена от первой стеной от пола до потолка, сложенной из бетонных блоков. В стене изначально имелась толстая стальная дверь, которая была вынесена наружу мощным ударом изнутри и теперь, изрядно помятая, валялась на полу.

А за проломом был склад, очень похожий на тот, где мы с Японцем затаривались оружием и снарягой. По ходу, такие склады в этой местности были типовыми, правда, на этом, помимо того и другого, имелись солидные запасы взрывчатки, аккуратно упакованной в длинные деревянные ящики.

А еще посреди этого склада в полу была здоровенная дыра. И, судя по торчащим из ее краев обрывкам арматуры, то ли взрыв, то ли удар страшной силы шел изнутри. Из-под пола склада.

Пока Японец подыскивал себе другой шмот взамен заляпанного кровью кумо, я подошел к краю дыры, бросил в нее обломок бетона, что валялись вокруг в изобилии, – и прислушался.

Ага, судя по приглушенному звуку удара, который донесся из ямы, дно у нее не особенно далеко, метров семь-восемь от поверхности. И, поскольку иного выхода не было, я нашел моток капроновой веревки, сел на пол и принялся вязать на ней узлы. Не, конечно, можно и по гладкой веревке спуститься, но с узлами оно всяко надежнее и комфортнее.

Подошел Японец, довольно быстро сменивший свой грязный шмот на почти такой же, но чистый. Деловой, руки за спину, вид как у ученого, готовящегося долго и в подробностях рассматривать редкую букашку. Поинтересовался:

– Ты это сейчас что делаешь?

– Какие варианты?

– Ну, могу предположить, что повеситься решил от такой жизни.

– Не дожدهшься, – хмыкнул я.

– Ну, тогда, наверное, решил спуститься вниз.

– Ну ты прям провидец.

– А вот это для твоих целей не лучше подойдет?

И показал свернутую в скатку капроновую лестницу, которую прятал за спиной.

– Зашибись, – проворчал я, откладывая веревку. – Раньше не мог сказать, что лестницу нашел?

– Мог, – кивнул Савельев. – Но зачем? Так ты хоть отвлекся маленько на вязание, отдохнул, голову разгрузил. Японцы для этого занимаются оригами, очень хорошо изгоняет из головы негативные мысли порубить кого-нибудь в фарш.

– Сейчас у меня, наоборот, возникла мысль порубить кого-нибудь в фарш, – проворчал я, поднимаясь на ноги. – И ты, наверное, догадался кого.

– Зря я так рано подошел, – с сожалением произнес Савельев. – Надо было тебе еще узлов понавязать для снятия излишней агрессии.

– Ну да, я ж не то что некоторые, у которых уровень агрессии всегда одинаковый – и когда они лапшу кушают, и когда кого-то в лапшу рубят...

– Кстати, о лапше, – перебил меня Савельев. – Не находишь, что самое время немного отдохнуть и перекусить, прежде чем ввязываться в новую бойню? А ее, чуеет мое ками, избежать вряд ли удастся.

– Дельная мысль, – согласился я, только сейчас осознав, как гудят ноги и бурчит желудок, в который я уж не помню когда в последний раз закидывал топливо.

В рюкзаках у нас лежало все необходимое, но на одном из стеллажей выбор консервированной жратвы и напитков оказался заметно больше. С четверть часа мы с Японцем были заняты загрузкой организмов калориями, после чего решили еще столько же просто отдохнуть. Савельев немедленно впал в транс, свернув ноги калачиком и сложив пальцы в немислимую фигуру. Я же достал свой навороченный КПК, порадовался, что даже в Зоне он ловит интер-

нет, вошел в облако и начал записывать то, что произошло со мной с того момента, как я убил четверых бойцов якудза при поддержке ками воина, умершего много веков назад.

Начал – и увлекся не на шутку. Творчество, кстати, для сталкера вещь небезопасная. Сидит себе такой ловец удачи, набивает текст, ничего не слыша и не видя вокруг, полностью погруженный в события, которые прокручивает мозг у него перед глазами... И в этот момент грохнуть данного творца – как нефиг делать. Подкрадется что человек, что мутант, даст по талантливому черепу – и привет. Отписался писатель, упокой его Зона.

Потому я аж вздрогнул от неожиданности, когда услышал слегка насмешливый голос Савельева, вырвавший меня из той, другой реальности, в которой я утонул по самую макушку:

– Новый роман строчишь? Не надоело? Уже, поди, штук сорок их написал, если не больше. На пенсию не думал уйти, писатель?

Я внимательно посмотрел на ухмыляющегося Савельева и произнес:

– Писатели не уходят на пенсию. Писатели уходят только в вечность.

Ухмылка медленно сползла с лица Виктора.

– А вот это сильно, – сказал он. – Будь живы Лао Цзы с Конфуцием, думаю, они бы искренне тебе поаплодировали.

– Ладно, потрепались – и хватит, – попытожил я, пряча КПК в карман. – Пойдем смотреть, как тут дела со взрывчаткой.

С ней оказалось все замечательно. И с детонаторами тоже. Потому мы, пополнив запасы патронов и гранат, все организовали в лучшем виде.

– Не многовато взрывчатки? – поинтересовался Японец, по ходу, гораздо лучше соображающий в мечях и рукопашном бое, чем в саперном деле.

– Много – не мало, – философски заметил я, вставляя очередной детонатор в брикет пластида. – Одно могу сказать: когда рванет, от здания ничего не останется. И от яиц на третьем этаже – тоже.

– Это главное, – кивнул Японец. – А от нас?

Я развел руками:

– В дырку спустимся, отойдем подальше, если есть куда, – а там уж как повезет.

Я активировал с помощью дистанционного пульта, который прилагался к детонаторам, все десять и завел их на одну кнопку. То есть шарахнет одновременно в нескольких точках подвала, и если даже какой-то детонатор не сработает – ничего страшного, достаточно, чтобы остальные оказались в порядке. В любом деле лучше десять раз перестраховаться – тогда, коли уж одна из страховок подведет, остальные девять выручат.

Пока я возился с детонаторами, Японец привязал лестницу к торчащему из края ямы куску арматуры – и мы начали спуск в темноту, воняющую подвальной сыростью и разложившейся мертвечиной: этот тошнотворно-сладковатый смрад ни с чем не спутаешь.

Я не исключал, что спуститься без приключений не получится, потому гранатами затарился с избытком. Если нас внизу поджидает пара-тройка кумо, лучше сразу нажать на кнопку пульта и одновременно самовзорваться, чтобы по закону подлости не лежать потом полураздавленным под бетонными обломками, мечтая о скорой смерти.

Но – обошлось.

Мы стояли в тоннеле явно искусственного происхождения. Бетонные стены, толстые кабели в оплетке, тянущиеся вдоль этих стен, наверху – плафоны, мерцающие тусклым светом... А еще на стенах были надписи, нанесенные желтой краской. Я подошел поближе и прочитал: «Слава Императору, который ведет нас к победе!»

– Ты чего-нибудь понимаешь? – поинтересовался я у Виктора.

– Нет, – отозвался Савельев. – Император в Японии есть, но страна, сам знаешь, ни с кем не воюет, у нее и армии-то нет.

– Странно, – сказал я. – Тут вся стена победными лозунгами исписана. От времени они, конечно, здорово выцвели, но тем не менее. Ладно, пошли, а то потолок рухнет прям нам на головы.

Мы отошли метров на сто, и я нажал на кнопку пульта.

Громыхнуло знатно, у меня аж уши немного заложило. Потолок по краям дыры ожидаемо обвалился, намертво замуравов выход из тоннеля наверх.

– А ты уверен, что мы отсюда выберемся? – поинтересовался Виктор.

– Ну если нам обратно хода нет, то какие еще есть варианты? – пожал я плечами. – В любом случае ты как-то поздно поинтересовался, не находишь?

Японец хотел что-то ответить, наверняка язвительное – он в последнее время стал на редкость вредным, – но осекся.

И я сразу понял почему, так как тоже услышал отдаленный топот тяжелых ботинок в глубине коридора.

– Быстро обратно! – прошипел я. – Укроемся в обломках.

Других вариантов не вырисовывалось – в коридоре под светом ламп мы были как на ладони. И кто бы там сейчас ни несся в темноте, отреагировав на звук взрыва, вряд ли нас встретят с распростертыми объятьями...

Обломки бетонного потолка были еще горячими, когда мы, подбежав, укрылись за ними. Понятное дело, что потолочные лампы на этом участке отрубилась после взрыва, и это нам было только на руку.

Топот становился все ближе и ближе. Наконец бегущие перешли на шаг, и по стенам подземелья заскользили лучи мощных фонарей.

– Четверо, – прошептал Японец, который в своем черном костюме полностью слился с темнотой и потому мог наблюдать за обстановкой более эффективно, чем я.

По идее, этих четверых стоило просто закидать гранатами. Двух «эфок» за глаза хватило бы. Но мы понятия не имели, куда пришли, и потому «язык» был просто необходим. Да и начинать с убийства в незнакомом месте неразумно: нужно хотя бы понять, кто есть враг, а кто потенциальный друг.

Лучи фонарей приблизились, я уже из своего укрытия видел круглые световые пятна, шарящие по потолку. Судя по шуршанию осыпающихся крошек бетона, прибывшие полезли на завал.

Пора!

Я выскочил из-за своего укрытия и с ходу рубанул ближайшей тени берцем в пах, а когда она резко согнулась, добавил удар кулаком под ухо. Все, этот гарантированно в нокауте.

А вот со вторым, который следом карабкался на завал, так быстро и красиво не получилось. Среагировал он моментально: отпрыгнул назад, вскидывая что-то, похожее на автомат, в темноте не поймешь.

И это уже было плохо.

Драка тем и отличается от боя, что в ней можно все, кроме убийства. Фингал поставить, нос или челюсть свернуть, даже кость сломать – это все драка. А когда противник достал нож или огнестрел, это значит, что намерения у него очевидные. И твои должны быть такими же – причем желательно работать на опережение, иначе он свои намерения запросто претворит в жизнь.

Но вариантов у меня было немного. Начинать стрельбу не хотелось: вон, на взрыв аж четверо прибежало – проверить, само рвануло наверху или помог кто. А на стрельбу может целый гарнизон примчаться. Потому я принял довольно рискованное решение.

Когда я на складе гранатами затаривался, то кольца двух из них не привязал к ремешкам подсумков – ремешков не хватило. Все заняты были, а небольшой дополнительный запас гранат сделать хотелось. Потому я их просто сунул в карманы, которых на снаряге было предо-

статочно. И сейчас мне ничего не оставалось делать, кроме как выдернуть из кармана одну из гранат и швырнуть ее в голову стрелка.

Раздался звук, с каким бильярдный шар бьется о борт. Тень, даже не вскрикнув, рухнула навзничь и больше не шевелилась.

Все.

Напарник со своими двумя управился на несколько секунд быстрее меня. Ну да, у него опыт в рукопашке, пожалуй, покруче моего будет, так что неудивительно.

Я взял один из зажженных фонарей, выпавший из руки вырубленного мной противника, осветил владельца...

Это был несомненно японец, с характерными чертами лица, присущими монголоидной расе. Но для японца он был на редкость здоровенным. Рост под метр девяносто, плечи широкие, бугры бицепсов натягивают рукава форменной рубашки. И второй – такой же, словно их в одной пресс-форме штамповали.

– Мои аналогичные, – подойдя, сказал Виктор. – Прямо переростки-чемпионы по бодибилдингу. А двигаются не как качки, шустрые. Одного пришлось зарубить, иначе б он меня пристрелил.

– Мой тоже пытался, – кивнул я на стрелка, ушибленного гранатой. – Интересные у них автоматы, кстати. Никогда таких не видел.

– «Тип – восемьдесят девять», – сказал Савельев. – Японский автомат, десантный вариант со складным прикладом. Но это не самое интересное. Взгляни сюда.

Он направил луч фонаря на плечо одного из моих пленников, где к рубашке был пришит шеврон с изображением четырех горизонтальных полос красного, синего, белого и черного цвета на желтом фоне.

Я почесал в затылке, пытаясь вспомнить, какого государства этот флаг, – и обнаружил устойчивый пробел в познаниях.

– Не утруждайся, – покачал головой Японец. – Этого государства больше не существует. Глазам своим не верю, но это флаг Маньчжоу-го, марионеточного государства, созданного японцами в прошлом веке на территории Китая. В сорок пятом году оно прекратило свое существование в результате победы Советского Союза над Японией.

– По ходу, не совсем прекратило, – заметил я. – И еще вон каких амбалов научилось выращивать. Давай-ка их свяжем, пока они в себя не пришли.

Однако вязать пришлось только двоих. Одного из вырубленных Японцем и второго, которого я оглушил гранатой. Тот, кого я приласкал ударом за ухо, оказался не таким крепким, как я ожидал. То есть откинул копыта. Бывает такое, если сильно ударить в эту область. Я б, конечно, как вежливый человек принес свои извинения, мол, ошибся маленько, но вряд ли это помогло бы мертвому амбалу.

– Ничего, у нас еще двое есть, – успокоил меня Японец.

– Ага, прямо как в анекдоте про хирурга: «Ничего, их у нас еще в палате до фига», – проворчал я.

– Двоих нам точно хватит, чтоб разузнать, куда мы провалились, – сказал Японец. – Делай, как я.

Сначала он стянул запястья пленного пластиковой петлей, которую опытный боец всегда носит с собой в кармане для таких вот целей. После чего пальцем одной руки принялся давить на точку под носом, а пальцем другой – на мышцу кисти левой руки, находящуюся между большим и указательным пальцем. Разумеется, я сделал то же самое – понятно, что познания Японца в теме акупунктуры были намного обширнее моих.

– Точка дзин-тю универсальна, – как бы между делом сообщил Виктор. – При потере сознания – это точка реанимации. Но в то же время сильный удар в нее обычно приводит к смерти. А точка гококу на руке вообще одна из основных при лечении многих болезней

верхней части тела. Голова болит, например, или горло – массаж этой точки самое первое дело. Только нажимать нужно посильнее, она как бы внутри руки расположена.

Видимо, Виктор хорошо постарался с сильным нажатием на гококу – его японец внезапно заорал от боли и попытался стукнуть Савельева связанными руками. Понятно, что у него ничего не вышло – Виктор легко уклонился от выпада, после чего синхронно ударил ребрами обеих ладоней по рукам пленного чуть выше локтей. Тот зашипел, словно змей, от бессильной ярости – его руки безвольно упали вниз. Ясно и без пояснений про точки: если так долбануть по локтевым нервам, будет очень больно и обидно, так как руки на некоторое время превратятся в два бесполезных придатка к телу.

Между тем и мой пленник, которому я под носом чуть дыру пальцем не продавил, пришел в себя. Проморгался, потянулся потрогать шишку на лбу величиной с половинку куриного яйца, осознал, что руки связаны, – и все понял, я это по его глазам увидел. А поняв, потянулся к вороту, наглухо застегнутому на верхнюю пуговицу. Понимаю, после такого привета в лобешник может быть затруднение дыхания, потому я не препятствовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.